

Борис Чирков

Промашка богов

Памяти Игоря, поэта

Я не знал, как пришел Игорь к стихотворению о Сизифе, – неисповедимы пути поэтов, – но он его написал и однажды прочитал мне. Было это давно.

У меня на этот вопрос: «Почему Сизиф?» – есть два предположения, одно, может быть, вернее, второе – поэтическое, гротескное: общаясь с Игорем, я, ясно, подхватывал его образ мышления. Приведу здесь оба.

Итак, первое. Все одесситы, насколько я их знаю, народ особый. У них на все свое особое мнение. Некое недоверие (при будто бы согласных кивках) к говоримому собеседником и вслед за ним возражение (вот вы сказали... или известное: я знаю... но вот о чем я подумал...) – норма общения одессита. О недоверии ко всему на свете этого племени говорили Бабель и Багрицкий. Бабель – устами Бени Крика: «Все ошибаются, даже бог». Так мог сказать только одессит. Багрицкий: «Ну как, скажи, поверит в эту прочность еврейское неверие мое?».

Игорь не еврей, но он одессит, а Одесса дышит одним воздухом.

И вот Игорь не поверил в безвыходность положения Сизифа и оказался прав. Он, исполненный здравого недоверия, поискал в прочной, как камень, ситуации Сизифа трещину – и нашел ее. Нашел промашку богов.

Но об этом позже. О промашке.

Теперь поэтическая версия.

Тут надо сказать об Игоре. Картина, которую я представляю, полностью входит в мое доказательство, в тему о Сизифе. Игорь жил в крохотной комнатухе напротив выхода с Привоза (в сторону Молдаванки), единственное окошко было прикрыто сверху верандой второго этажа, так что в комнате всегда было темно. Окно выходило на классический одесский дворик: в центре его стояла водопроводная колонка, за ней – вид на Привоз, толпящийся народом. Общественный сортир рядом с квартирой Игоря, справа; если выйдешь подышать свежим воздухом, услышишь, как там плещется вода. В сортир валит всяк с Привоза и просто с улицы.

В комнате – проваленный до пола диван и стол перед ним, освещаемый потолочной лампочкой с жестяным абажуром. На стенах холсты и листы ватмана, подаренные художниками, приятелями Игоря, и его собственные работы – «пробы пера». Стены и потолок давно-давно не белены, почти черны, но это мало волнует Игоря. В доме его часты гости – поэты, художники, некие новые люди, показавшиеся хозяину квартиры любопытными: банщик, пишущий стихи, милиционер, пишущий музыку на стихи банщика. На клеенке стола бутылка-две молдавского кисляка «Вин де масе» (столового), который переводится здесь как «Вино в массы», тарелочки с дешевой колбасой, нарезанным огурцом и помидорами, хлебом... За столом шумно, интересно, весело. Здесь читаются и обсуждаются стихи (до стен ли, до потолков ли, когда «в сухой реке пустой челнок плывет»?).

Стихи собравшихся за столом талантливы, необычны – как всегда необычны стихи андерграунда – в них смелость и вызов подпольщиков, кукиш официальной поэзии, образы граничат с сумасшедшинкой, впрочем, именно сумасшедшинка, поэтические, скажем так, закидоны и признаются за этим столом. Кто хлеще скажет – примерно так – тот и пан...

Все гости Игоря бедны, иногда бездомны (снимают где-то угол), работают то там, то тут (какая чепуха – работа! о ней ни слова!), одеты черт-те как, у девушек прическа чаще всего «я у мамы дурочка», модная в то время... Но какие бриллиантовые строчки они произносят! Какую суть вещей – поэтическую – они здесь провозглашают!

...И сам я был не детище природы,
Но мысль ее,
Но зыбкий ум ее!

Хозяин темной комнаты олицетворял собой облик поэта: беззубый (откуда взять деньги на протезы?), пух на голове, слегка вытаращенные глаза, громкий актерский голос. Поэта того времени, когда власть публиковала лишь проверенных стихотворцев, тех, что не выходили за рамки, разрешенные цензурой. В этот список Игорь не попадал ни под каким видом, и стихи писались не то что «в стол», ибо ящика у его стола не было, а «на стол», над которым и произносились.

В то время, когда меня с ним познакомили, Игорь рисовал портреты... покойников.

В своем районе он чисто случайно слепил себе удачную рекламу художника. Как-то из крохотной фотографии умершего старика он сделал по просьбе сына этого старика портрет маслом: неважный, понятно, но – холст, но – масло, но – рамка. «Патрет!» Знакомому работа понравилась (в музеях он не бывал даже на экскурсиях, организованных предприятием), и сын покойного стал показывать портрет соседям. Тем тоже захотелось увековечить своих предков, от которых остались плохонькие фотографии, где лицо было иногда с копейку, и наш районный портретист некоторое время был и занят, и обеспечен заработком. За работу он получал то небольшие деньги, то продукты: сало, картошку, вино, вяленую, соленую или свежую рыбу, даже муку и сахар – это зависело от того, кем был заказчик. И тогда начинался пир, на который приглашались люди Круга.

...Все это была богема, сборище высокомерных нищих, гордых своей приближенностью к тому, за что богачи отваливают миллионы. Они и богачи были на расстоянии вытянутой руки от искусства. Может быть, даже ближе к нему; да, гораздо ближе, потому что они *понимали* его и сами кое-что для него делали... По этой причине в их глазах сиял, выражусь высокопарно, свет истины, с этим светом в глазах они и ходили по улицам... Они были приобщены к святой святых человеческого избранничества – творчеству, искусству, поэзии...

Ничто еще не говорит о Сизифе? О Сизифе с его каменной глыбой, которую он вкатывал и вкатывал на вершину горы, чтобы увидеть по завершению подвига, как она вырывается из рук и летит вниз, высекая искры от столкновения с другими камнями и разбрызгивая осколки?

Игорь работал над стихами по ночам. Работал на износ, как это и бывает с поэтами, чей слух уловил звучание строки-струны; работал, то расхаживая по комнате, то бросаясь к столу, где перо и бумага, и спешно писал, то снова расхаживал, бормоча, время от времени вскрикивая, либо ударяя вдруг кулаком в ладонь, когда находилось искомое слово или складывалась наконец-то строка... То, обессиленно поникнув, сидел, как бывает после максимального напряжения, принесшего удачу, но забравшего все силы...

И вот стихотворение закончено!

Нет, оно еще не о Сизифе, другое. Может быть, это?

...И ночь по каплям расплескала
Акаций белое вино!

Всякий раз, когда Игорь велением богов вкатывал тяжелую глыбу стихотворения на вершину (извилины мозга тогда подходят на напрягшиеся мускулы, познавшие величину груза), он уже по опыту знал, что там, наверху, его ожидает удивительный свет, даже сияние, летящее над другими вершинами и озаряющее лицо поэта.

А проснувшись поздно утром – вершина, ночной подвиг, свет, сияние все еще не истаяли в сознании, – и увидев свою комнату (стены, потолок), услышав разговоры, но скорее крики во дворе, голоса в сортире и плеск воды за стеной, вдруг остранным, как и привык, понимал, что... некий ночной камень опять скатился с горы, он последовал за ним и теперь находится в сыром и темном ущелье, откуда вчера и начал восхождение по крутому склону.

И еще понимал, что этой же ночью он снова упрется руками в каменную глыбу и начнет толкать ее вверх – чтобы выбраться из тесного ущелья к свету вершины...

И тут, наверно, замерцал, начал проситься в сознание Игоря образ Сизифа. Он «открыл ему дверь», взгляделся в него, так ска-

зять, рассмотрел, покумекал, проникся сочувствием и автоматом подвиг одесскому недоверию его бедственное положение...

И увидел Промашку богов!

Сизиф, конечно, прохиндей, но и олимпийские боги, бравшиеся с людьми, распивавшие с ними нектары, любившие их женщин, вникавшие в их полоумные распри и активно участвовавшие в их разборках, – нам бы таких богов! – после всего этого они не могут быть всеведущи! Как и у людей, в их поступках должна просматриваться не-даль-но-вид-ность.

Конечно, я не помню стихотворения Игоря о Сизифе – так давно оно было мне прочитано. Но последнюю сценку и мысль поэта попытаюсь воссоздать. Прозой. Может, что-то и присочиню, столько лет прошло с того дня, когда оно было мне прочитано.

Скатываясь и скатываясь с каменистого склона, грохаясь о скалы, глыба Сизифа теряла кусок за куском, в ней стали появляться трещины, она становилась все меньше и меньше... и вот однажды Сизиф, спустившись вслед за ней к подножию горы, не нашел глыбы. Он стоял чуть ли не по колено в осколках, усыпавших за много лет подножие, но не мог разглядеть среди них, одинаковых, того, на котором были отпечатки его натруженных за долгое время пальцев, хранившего тепло его рук.

Но вот нашел один, придавивший еще свежую зеленую травину. Он поднял его, положил на ладонь, взвесил... Засмеялся... И неожиданно заплакал. Заплакал оттого, что не почувствовал больше в себе желания вкатывать наверх камень, понял, что силы на этот раз покинули его; понял, что кара богов исчерпала себя и, таким образом, порвалась его связь с ними, что сейчас он простой человек, на ладони которого лежит ни о чем не говорящий осколок серого камня.

Заплакал оттого еще, что понял: боги оставили его, отдалились, а ведь их кара и есть, если подумать, человеческое призвание...

